

ЧЕШКО-СЕРБСКО-РУМЫНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В РУМЫНСКОМ БАНАТЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

Рассматривается влияние сербского языка на язык чешской диаспоры в Румынии. Целью исследования является установление степени и характера этого влияния. Материалом для анализа послужили собственные полевые записи авторов; обсуждаются фонетические и морфологические особенности речи чехов на сербском и румынском языках, перцепция сербского языка. Сербские контактные элементы, выявленные при помощи сопоставительного метода, уступают по частотности румынским за исключением языка чехов в селе Златица, где представители чешского сообщества активно используют местный сербский диалект.

Ключевые слова: чешский язык; румынский язык; сербский язык; многоязычие; Румыния; Банат; переключение кода; заимствование; полевое исследование; нарратив.

Чехи являются одним из признанных миноритарных этнических сообществ в Румынии. По данным последней переписи населения (2011 г.), в стране насчитывалось 2 477 представителей чешского этноса. Они проживают в юго-западной части страны в жудецах Караш-Северин (1 230 чел., 49,7% от всех румынских чехов) и Мехидинци (321 чел., 13% от всех румынских чехов) [1]. Для большинства из них (2 174 чел., или 87,8%) чешский язык является родным [2]. Если сравнить последние цифры с результатами переписей в предыдущие годы (5 800 чел. в 1992 г., 3 938 чел. в 2002 г.), то становится очевидной тенденция к уменьшению численности чешской диаспоры в Румынии¹. Основные населенные пункты с чешским большинством расположены в горной части исторической области Банат: Сфынта-Елена (рум. Sfânta Elena, чеш. Svátá Helena), Гырник (рум. Gârnic, чеш. Gerník), Бигэр (рум. Bigăr, чеш. Bígr), Равенска (рум. Ravensca, чеш. Rovensko), Эйбенталь (рум. Eibenthal, чеш. Tisové údolí), Шумица (рум. Şumiţa, чеш. Šumice), чехи также проживают в пограничном с Сербией селе Златица (рум. Zlatiţa, чеш. Zlatice), а также в городах, где их сообщества образовались уже в результате вторичной миграции: Молдова-Ноуэ (рум. Moldova Nouă, чеш. Nová Moldova), Бэйле-Херкулане (рум. Băile Herculane, чеш. Herkulovy lázně), Карансебеш (рум. Caransebeş). Села горного Баната в прошлом были труднодоступны, и лишь в последние десятилетия происходит их «открытие» для внешнего мира: они становятся популярным местом для познавательного и экологического туризма (в основном для туристов из Чехии), чему способствует близость ущелья Дуная, природных красот края и достопримечательностей. Осуществляется ремонт дорог, благоустраиваются села, организуются многочисленные фольклорные и кулинарные фестивали² (см.: [3. Р. 13]). В чешских селах начальное образование в школах осуществляется на чешском языке, в программе 5–8-х классов предусмотрены предметы чешский язык и история и традиции чешского меньшинства в Румынии, далее обучение продолжается на румынском [4. S. 444–449].

1. Переселение чехов на земли Баната происходит начиная с первой половины XIX в.: первые колони-

сты, преимущественно католики и евангелисты из центральной и юго-западной Чехии, прибывали в окрестности г. Молдова-Ноуэ в 1823–1825 гг. Это были, в основном, ремесленники, приглашенные местным лесопромышленником для вырубki лесов. Следующая волна переселений относится к 1826–1828 гг. и связана с инициативой австрийского двора, проводившего политику реколонизации территорий, отвоеванных у Османской империи. Новые колонисты приезжали из западной, юго-западной и центральной Чехии. Тяжелые условия жизни в горных районах спровоцировали миграции чехов внутри самого Баната. В 1830-х гг. они начинают селиться по другую сторону реки Нера – в населенных пунктах Велико-Средиште (серб. Veliko Središte), Крушчица (серб. Kruščica), а также основывают село Аблиан, или Фабриан (чеш. Ablián / Fabián, совр. серб. Češko Selo), на территории современной Сербии [4. S. 33–42]. После Первой мировой войны по реке Нера была проведена граница, которая сегодня разделяет Сербию и Румынию. Чешская диаспора и чешский язык в Румынии неоднократно становились объектом изучения историков [4–8], лингвистов [9–14], этнографов [3, 15–18]. Однако следует констатировать, что работ по изучению контактных феноменов в чешском языке до сих пор мало, а такие явления, как переключения кода и метаязыковые комментарии, не изучены вовсе.

Если говорить об исследовании других славянских диаспор в Румынии (обзор всех славянских говоров на территории Румынии см. в [19]), то следует упомянуть, например, работы по украинскому языку в Марамуреше, Банате, Добрудже и на Буковине [20], польскому языку на Буковине [21], языку карашевцев в Банате [22, 23], сербскому (см. обзорную работу [24]), а также словацкому [25] и болгарскому языкам [26].

2. Изучение языка чешской диаспоры было начато группой исследователей из Института славяноведения РАН с целью фиксации состояния диалектов чешского языка, функционирующих в условиях многоязычия, в сентябре 2019 г. (подробнее см. [27]). Полевое исследование в румынском Банате проходило с использованием метода полуструктурированного интервью, беседа с информантами направлялась при помо-

щи вопросов, при этом собеседников не прерывали. Часто разговоры проходили при участии двух-трех информантов одновременно, что позволило наблюдать живое взаимодействие между ними с минимальным вниманием к исследователю. Тематика для бесед была материальная и духовная культура чехов и соседних народов, положение чешской общины, история переселений, языковая ситуация. Были обследованы следующие населенные пункты, где проживают чехи: Сфынта-Елена, Эйбенталь, Молдова-Ноуэ, Шумица, Бэйле-Херкулане, Златица. Всего опрошено 23 информанта, получены записи общей продолжительностью 45,5 часов. Информанты принадлежат в основном к среднему и старшему поколениям, они являются наиболее компетентными носителями знания о жизни общины, традиционной материальной и духовной культуры, среди них также лучше всего сохраняется исходный диалект. Исследователи всегда работали в команде, само интервью по большей части проходило на чешском языке (С.Б.), частично – на румынском (Г.П.), в Златице также на сербском языке (С.Б., Г.П.).³

В основе языка румынских чехов лежат говоры собственно чешской диалектной зоны. Отметим наиболее частотные фонетические явления, характерные для данных диалектов: 1) употребление *-ej* на месте *ý* (*na takvej, inej*); 2) наличие протетического *v*-перед *o* в начале слова (*von, votali*); 3) упрощение *tř* (*tš*) < *stř* в начале слова (*pot tšexu*), характерное для центральной подгруппы; 4) отсутствие *j* перед *i* в начале слова (*i* < *ji*) (*inej, idlo*), характерное для западной и северо-восточной подгрупп; 5) произношение *u*, возникшего в результате закрытого произношения *o* (*z dumuva*), характерное для западной подгруппы. Среди собственно чешских словоизменительных черт выделим: 1) употребление окончаний на *-ch* (в транскрипции *-x*), совпадающих с окончаниями местного падежа, в формах родительного падежа множественного числа существительных (*s Čexax, bes kravax*); 2) образование сравнительной степени при помощи суффикса *-ejší* в случаях типа *leh(x)kejší* (ср. чеш. станд. *lehčí*); 3) характерное для центральной и северо-восточной групп использование в 3 л. мн. ч. глаголов окончаний *-ou, -ejí (-ej), -aji (-aj)* (*kupujou, sed'ej, mušej, ut'ikaji*) [10. S. 203–205; 11. S. 27–28; 28. S. 217–235].

Особенность проведенной полевой работы заключается в том, что впервые были обследованы чехи в Златице (община Сокол) (серб. *Zlatica*, венг. *Néaraanyos*⁴), селе со значительным сербским населением, расположенном на пограничной реке Нера⁵, образующей в этом месте границу между Сербией и Румынией. На протяжении XX в. чехи здесь были третьей (после сербов и румын) по численности этнической группой и остаются таковой до сегодняшнего дня. Современный этнический состав Златицы: румыны (340 чел.), сербы (253 чел.) и чехи (103 чел.)⁶. В Златицу чешские семьи начинают прибывать из горных сел первичного расселения колонистов, судя по всему, после 1832 г., когда им было разрешено переселяться в другие населенные пункты в рамках того же граничарского полка [18. Р. 56], также отмечается

волна переселений из Гырника, в том числе в Златицу, в начале XX в. [4. S. 42].

О принадлежности сербских говоров в Румынии какой-то определенной группе диалектов сербского языка не существует единого мнения. М. Томич делит сербские говоры в Румынии, относящиеся к косовско-ресавским диалектам, на говоры Полядии (*poljadijski govori*) и настоящие говоры ущелья Дуная (*pravi klisurski govori* [30. С. 311]). Говоры сел Базиаш, Златица, Ланговет, Лесковица, Соколовац по этой классификации относятся к говорам региона Полядии (серб. *Poljadija*), который называется так из-за плодородных полей и равнин вдоль реки Неры. Кроме того, отдельно выделяется говор села Свиница, принадлежащий к тимокско-лужицкому типу [30. С. 311]. М. Окука также относит рассматриваемые говоры к косовско-ресавскому диалекту [31. S. 199]. П. Ивич полагает, что эти говоры относятся к смедеревско-вршацкому диалекту [32. С. 102]. Регион Полядия (входит в так называемую область Банатские Геры (*Banatske Here*)) и сербская община активно обследовались учеными, в том числе и в последнее время. Изучались пограничные нарративы [33], обряды календарного и семейного цикла [34–36], фонетические и просодические особенности местного сербского говора [37, 38].

В настоящей статье будут рассмотрены случаи языковых контактов чешской миноритарной группы, когда речь идет не о двуязычии общины – чешско-румынском (на чем в основном концентрируют свое внимание исследователи, когда говорят о языковых контактах чехов в Румынии), а о многоязычии – чешско-сербско-румынском. Языковая ситуация в этом случае оказывается многокомпонентной: к румынскому языку в двух его вариантах (литературному языку и местному банатскому диалекту) добавляется местный сербский диалект. Контактное влияние сербского языка на чешский язык в Румынии до сих пор не было подробно изучено, лишь отдельные лексемы были рассмотрены в группе так называемых банатизмов в работах [14. S. 88–89; 39]. Чешская община и ее язык в селе Златице также остались за пределами внимания ученых. Следует сказать, что во многих работах Златица даже не упоминается как населенный пункт с чешским населением. В работах, посвященных сербской общине Златицы, о чехах тоже практически не говорится. Редким исключением можно назвать спорадическое упоминание чехов в [34] в контексте смешанных браков сербов с чехами и румынами. Важным свидетельством о жизни в Златице в начале XX в. является автобиография Д. Адама, написанная по-сербски [40]⁷. Таким образом, чешская община Златицы, для которой характерно активное владение как минимум тремя языками (чешский, сербский, румынский), является уникальным лингвокультурным феноменом в этноязыковом ландшафте румынского Баната, до сих пор неизученным и малознакомым для исследователей.

Авторы постараются в статье ответить на вопрос: происходит ли влияние сербского языка на переселенческий идиом чехов в Банате. Чешские говоры на территории Румынии находятся в контакте с языками

окружения чуть менее двухсот лет. Румынский и сербский языки входят в балканский языковой союз, при этом они не родственные. Чешский язык, как и сербский, относится к славянской группе, тогда как румынский – к балкано-романской подгруппе романских языков.

Цель настоящей статьи – выяснение роли, степени влияния, характера функционирования и места сербского языка в языковом репертуаре чешской общины Румынии, а также сербских контактных элементов на фоне повсеместно распространенного чешско-румынского билингвизма. Поскольку в научной литературе подробных сведений нет либо они отрывочны и совершенно недостаточны для ответа на поставленный вопрос, было решено собрать материал для анализа в результате полевого исследования среди представителей чешского миноритарного сообщества и частично – среди сербов и румын, в окружении которых проживают чехи. Предметом исследования являются сербские и румынские контактные явления, выявленные при помощи сопоставительного метода в нарративах, записанных от информантов, в том числе их языковая рефлексия. Из собранного исследователями корпуса текстов были отобраны фрагменты, в которых проявляется чешско-сербское-румынское контактное взаимодействие на уровне лингвистических и коммуникативных структур, а также нарративы, в которых речь идет о языковой ситуации. Анализ организован следующим образом: в разделе 3 представлена языковая ситуация и роль сербского языка в языковом репертуаре информантов. Затем обсуждаются некоторые румынизмы в чешской речи (раздел 4). Далее дается обзор общих для румынского и чешского языков частиц (раздел 5). В разделе 6 анализируются сербизмы в языке чехов Баната. О стратегии дублирования, которая распространяется в равной степени на румынский и сербский языки, говорится в разделе 7. В разделе 8 представлены случаи переключения кода на сербский и румынский язык. В разделе 9 эта стратегия рассмотрена на примере метаязыковых историй-анекдотов. В разделе 10 отмечаются диалектные явления сербской речи чехов, а также румынские заимствования, когда чехи говорят по-сербски.

3. Регион, где проживают чехи, отличается сложным этническим и конфессиональным составом. В Банате помимо румын проживают представители многих национальностей: венгры, немцы, украинцы, сербы, болгары (об этническом составе Баната см. [41]). Лучше всего эту мозаичную ситуацию характеризует наличие этнических прозвищ. Так, румыны называют чехов *pet*, *petoaičá*, среди сербов распространено название *petas*, *petkinja* (зафиксировано также в говоре сербского села Свиница (Svinița) в Румынии [42. С. 191], в чешском языке также распространено самоназвание *petuch*, *petka* (производные от нем. Böhm – житель Богемии) [43. С. 237]. Чехи называют румын чаще всего *valach* (ср. [44]), *valaši* (мн. ч.), *valaška* (ж. р.), *mluvit valas(š)ki*, используются также *rumun*, *rumunka*, *mluvit rumunski*, сербов называют *srbak*, *srbin* (м. р., ед. ч.), *srbaci*, *srbini* (м. р., мн. ч.). Сербы живут в селах, расположенных на бере-

гу Дуная (например, Дивич (Divici), Берзаска (Berzasca), Свиница) (рум. Clisura Dunării, серб. Banatska klisura, Dunavska klisura, чеш. Dunajská soutěska), а также вдоль реки Нера, тогда как чехи преимущественно селились в горной местности. Румынские села расположены в горной местности и на берегу Дуная. Вот как информанты говорят об этническом составе сел региона, как в их представлении выглядит этническая карта региона:

(3.1) *L'upkova to je srpska | vesnica || Moldava tak je taki srpska-a || vesnice | a Sikovi-ic Gorn'e to jsou e | ru'munski | ortodokši || to je ru'munski*⁸ (Сфынта-Елена, жен., 55),

Любкова – это сербское село. Молдава – та тоже сербское село. А Сикевица, Горня – это румынские, православные. Это румынские.

Собеседники признаются, что румынский язык они знают и активно его используют за пределами чешской общины, семьи, поскольку это официальный язык, который необходим для взаимодействия с государственными органами, для получения профессионального и высшего образования, на работе и т.д.⁹

(3.2) *Jo || mušime | mi | pracujete v Ru'munsku žijeme v Ru'munsku* (Златица, жен., 50).

Да, мы должны, мы работаем в Румынии, живем в Румынии.

В селе Златица, представляющем особый языковой феномен среди чешских сел Румынии, чехи, как правило, владеют еще и сербским языком. Златица расположена вдали от основного массива чешских сел в окружении сел с сербским населением (например, Pârneaurea, Socol, Lescovița) и является, таким образом, чешским языковым островом. В селе также есть *petmski sokak* (серб. «чешская улица»), чешская часть села, сербская православная церковь и католическая церковь, кладбище на все село одно. Жители следующим образом характеризуют использование языков в своем сообществе (в семье, в церкви, с соседями, в школе), говорят об этническом составе (высказывания записаны от чехов на чешском и сербском языках):

(3.3) *Toto dživ bila česka ve- srpska vesnice tadi bila ve Zlatici | mislim von'i | jak ti bili d'et'i sem par'xant'i jak se povida to | mislim hodn'e mluvi srpski || i se mluvalo srpski po vesnici požad || jenom doma sme učeli jako bi učeli | mi vid'eli česki nebo diž deme do 'kostela nebo | kad je meni lepšiš mluvit srpski než co česki* (Златица, муж., 55).

Это раньше было чешское се-, сербское село здесь было в Златице, я имею в виду, они, дети, здесь [были], сорванцы, как говорят, я имею в виду, что много говорили по-сербски. И говорили по-сербски в селе все время, только дома мы учили, мы знали чешский или когда идем в церковь или... Но мне легче говорить по-сербски, чем по-чешски.

(3.4) *Uglavnom | srpski || sas komšijama ovo sve srpski | oni sada i pa kažem sad više i ne ne baš se pravi ta razlika || mnogo se i govori i rumúnjski || zato šta ima mnono rumuna || to su ti šta kažemo mi e-e || cigani | je došli jaci šta došli mnoge sa strane koji se udali se ženili kod nas | i ondak se više godina mnogo se govori rumúnjski || a sve manje česki* (Златица, муж., 55).

По большей части по-сербски, с соседями, это все по-сербски. Они сейчас, да я и говорю, сейчас уже и не делают различия. Много говорят и по-румынски, потому что много румын. Эти, как мы говорим, э-э, цыгане, пришлые, что пришли многие со стороны, которые вышли замуж, женились у нас и вот много лет много говорят по-румынски, и все меньше по-чешски.

(3.5) *Mi mluvime česki ano a vite že | a pudam i rumunski mi to školu rumunsku mi d'ali školu rumunsku | tak mi umime lepši rumunski | i d'et'i jiš mluvime se pot'kame tak vic srpski mluvime* (Златица, муж., 55).

Мы говорим по-чешски, да, а вы знаете, что... Я говорю, [что] и по-румынски, мы в школе румынской, учились в школе румынской, так что мы лучше знаем румынский. И с детьми уже говорим, когда встречаемся, так больше на сербском разговариваем.

(3.6) *Ja sam čeh | mluvime česki al doma | ve vesnici malo [...] tuto je srpska | tuto | to je srpska vesnice tak mluvime srpski vic* (Златица, муж., 55).

Я чех, мы говорим по-чешски, но дома, в селе мало... это сербское, это сербское село, поэтому мы больше говорим по-сербски.

(3.7) *Pa mi-i | ovde smo u selo srpsko | mi smo bili pemci | majka bila pemkinja | otac mi bio pemac | i takó smo se naučili | a smo radili u-u Moldávu i takó naučili i rumunjski | šta da radiš | moraš da se naučiš kad si tu | živiš u tu Rumuniju* (Златица, жен., 80).

А мы, здесь мы в сербском селе, мы были чехи, мать была чешка, отец мой был чех, и так мы выучили. А работали мы в Молдова-Ноуэ и так мы выучили и румынский, что делать, ты должен выучить, раз ты здесь, живешь в Румынии.

Что касается обратной ситуации, то во время экспедиции не удалось встретить сербов, активно владеющих чешским языком, однако пассивное знание было зафиксировано. Ср. записанный от собеседницы сербки нарратив:

(3.8) *Razumím i česki jel moja svekrva | mojga čoveka majka bila | čehinja || ja kad sam došla u pemski taj prvi sokák, tu ima mlogo pemaca i ja sad s njima* (Златица, жен., 75).

Я и чешский понимаю, потому что моя свекровь, мать моего мужа, была чешка. Я когда пришла в чешскую, эту первую, улицу, здесь много чехов, и я теперь с ними (серб.).

4. Использование румынских лексических элементов в чешской речи информантов распространено достаточно широко. Г. Чипля отмечает, что большинство заимствований из румынского языка в чешский происходило в XX в. [45. S. 212]. Естественно, этот процесс характерен для всех славянских идиомов в Румынии; так, в языке карашевцев слова румынского происхождения, а также калькированные лексемы составляют одну пятую всего лексического фонда карашевского идиома [24. С. 145, 150].

Лексические румынизмы активно заимствуются и адаптируются в принимающем языке. Приведем примеры функционирования существительных и глаголов из нашего корпуса спонтанной речи румынских чехов:

(4.1) *Von bil e-e ten e- mad'ar || a vona bila n'em'cojka* (рум. *nemțoaică* – немка) (Сфынта-Елена, жен., 83).

Он был, э-э, этот, венгр. А она была немка.

(4.2) *Pši(s)jeli pro n'ej takle večer jednu v devit'i hodinax s- | ta sal'varka* (рум. *salvare* – скорая помощь) (Шумица, жен., 76).

Приехали за ним вечером, где-то часов в девять, скорая помощь.

(4.3) *Takle sme vázali ti snopki | a pak sme tajdle davali na takvej vál | a tule ten motor | už ho nefalosíme že už nemlátíme ja mam ta(m)le inej i toho žezat dživí* (рум. *a folosi* – использовать) (Шумица, жен., 78).

Так мы вязали снопы, а потом мы вот это подсединяли к такому валу, а здесь этот мотор, мы его уже не используем, у меня там есть другой и чтобы пилить дерево.

Речь идет не только о румынских реалиях, чешские наименования которых информантам могут быть незнакомы (4.2, скорая помощь), но и о словах из повседневного лексикона (4.1, 4.3), которые существовали в языке чехов до переселения в Банат. Румынский глагол *a folosi* (использовать, употреблять) адаптируется к системе спряжения чешских глаголов (ср. также способы адаптации, описанные в [14. S. 95]. При помощи словообразовательного форманта *-k* образуется лексема *salvarka* от румынского *salvare* (скорая помощь, машина скорой помощи)¹⁰. Степень адаптации некоторых лексем определить сложно, поскольку контексты употребления не позволяют установить, как лексема ведет себя в косвенных падежах, однако на синтаксическом уровне мы видим, что это слово воспринимается как существительное женского рода, чему способствует фонетически сходное с чешским аналогом окончание: *nemțoaică* (рум. немка). Отсутствие дифтонга в корне, а также палатализацию *n* перед *e* в этом слове можно рассматривать либо как фонетическую адаптацию, либо как результат заимствования лексемы непосредственно из банатского диалекта румынского языка, в котором в этой позиции дифтонгические сочетания не реализуются, а перед *e* и *i* происходит палатализация согласных *l, n, r*¹¹.

5. Среди заимствованных неполнозначных и служебных слов выделяются так называемые «банатизмы» (*baš, barem, makar, bar*). Термин «банатизмы» Добрицою-Александру определяет как «сербизмы, мадьяризмы и германизмы, которые проникли в чешские говоры через посредничество румынского языка» [39. S. 376]. Исследователь также отмечает, что через сербскохорватский язык в Банат проникали слова из турецкого и болгарского языков [Ibid.]. Оставляя в стороне происхождение этих слов, а также правомерность использования термина «банатизмы» в данном случае, мы лишь отметим, что указанные частицы присутствуют как в сербском языке (серб. *baš, barem, makar, bar*), так и в румынском (часто в словах указана помета «регионализм», «банатизм») (рум. *baš, barem (baremi, barim), măcar, bar*), и широко используются не только чехами в Златице, где есть непосредственный контакт с сербами, но и в чешских поселениях, значительно отдаленных от сербских сел (например, в Шумице). А. Фрнхова говорит только о

трех частицах, тогда как в нашем корпусе выделяется еще частица *bar* [14. S. 88–89]. Что касается частицы *baš*, то фиксируется ее использование с глаголами отрицания [10. S. 205]; такое употребление характерно и для нашего корпуса.

(5.1) *Neumim baš* || *neumim jenom česki* (рум. *baș* – особо, как раз, именно) (Шумица, жен., 78).

Не умею особо [петь румынские песни], не умею, только чешские.

(5.2) *Mam tadi dva... [неразборчиво] nedod'elani a ješt'e barem dva bi ja uš ničko budu mit gdi | tak todle zas budu skládat takle | abi to bilo v zimn'e pot -tšexu (střechu) viš abi to ne bilo na dešt'i* (рум. *barem* – хотя бы) (Шумица, жен., 78).

У меня здесь два ряда [дров] незаполненные, и еще хотя бы два, у меня теперь будет, где [их хранить], и это я буду складывать вот так, чтобы оно зимой было под крышей, понимаешь, чтобы оно не было под дождем.

(5.3) *To sou potom švagrove makar cizi bili* (рум. *măcar* – хоть, хотя бы, по крайней мере) (Сфынта-Елена, жен., 83).

Они потом [становятся] шуринами, хоть и чужие были.

(5.4) *U rumunuw, tam sed'ej a hlidaju | bar to | dit' von nepude n'ikam* (рум. *bar* – хотя бы, хоть) (Сфынта-Елена, жен., 83).

У румын, там сидят и следят, хотя бы так, но он же не пойдет никуда.

6. Отдельно следует сказать про заимствования из сербского языка. Некоторые из них функционируют на гораздо большей территории (например, в гомогенном чешском селе Эйбентале), а не только в Златице, где наблюдается непосредственный контакт между чешским и сербским языками. Причины подобного явления еще предстоит выяснить. Ниже приведем пример употребления заимствованных из сербского существительных (6.1, 6.2) и глагола (6.3).

(6.1) *A tuto přide (tu)ten ten || ka'pije | mi pame ka'pije to* (серб. *kapija* – ворота) (Златица, муж., 55).

А это будут эти вот, ворота. Мы говорим, ворота.

(6.2) *Ru'sali paj ru'muni ru'sali || sad mi povem dove* (серб. *Duhovi*, рег. *Dove* – Троица) (Златица, муж., 55).

Русалии, румыны [говорят] Русалии, мы сейчас говорим Троица.

(6.3) *A von'i pri se tolik up'lašili | že se misleli že | budou xtit n'ejaki | z dumuva n'ejaki po'dili vite | keri ti d'edovi babički kedi vodešli* (серб. *uplašiti se* – испугаться) (Эйбенталь, муж., 81)

А они, говорят, так испугались из-за того, что думали, что они захотят от дома какую-нибудь долю, понимаете, их дедушки, бабушки когда эмигрировали [в XIX в.].

Примечательно, что сербские слова заимствуются в чешский язык в той форме, в которой они функционируют в сербских говорах румынского Баната. В конкретном случае (6.1) речь идет о форме без переноса ударения к началу слова, характерного для литературного языка и новоштокавских говоров (*ka'pije* vs. *'kapije*). В Златице сербизмы проникают и в терминологию духовной культуры. Так, местные чехи используют сербское слово *Dovi/Dove* (серб. лит.

Duhovi), распространенное в сербских банатских говорах [46. С. 338] для наименования праздника Троица. Интересно, что на этом примере можно видеть и проницаемость конфессиональных границ: происходит перенос лексемы, обозначающей праздник у православных сербов (и румын – информант приводит румынский аналог *Rusalii*), на католический праздник у чехов (чеш. *Trojice* [47. С. 234]).

7. Широко распространенной дискурсивной практикой во многих контактных ситуациях в мире является дублирование, или стратегия, перевода [48. Р. 78; 49. S. 169]. Информанты повторяют часть высказывания на другом языке, по сути, делают перевод. В славянских сообществах Румынии эта практика используется повсеместно¹², в речи их представителей славянские лексемы следуют в соседстве с румынскими. Если славянский эквивалент используется после румынского, можно говорить об автокоррекции. В нашем корпусе, помимо собственно использования чешского и румынского языков, что вполне ожидаемо в данном языковом сообществе (ср. пример 7.1), встречается одновременное употребление чешского и сербского (7.2), отмечены также случаи, когда задействованы три языка: чешский, румынский и сербский (7.3). Однако данная стратегия нами фиксировалась только в Златице, где сосуществуют три общины.

(7.1) *Von'i (g)diš skapou | skape teti mladi | u't'ikaji* (Шумица, жен., 85).

Они когда убегают, убегают эти молодые, убегают.

(7.2) *To se d'ela zes e-e.. || zes brambori | ze strouhani brambori | do do pekače a se to ide zes serem zes e-e || česnekem | viš co česnek || beli lukac | co poveju sr'bin'i* (Златица, муж., 55).

Это делается из э-э из картофеля. Третий картофель на противень и это идет с сыром и с э-э чесноком. Знаешь, что такое чеснок (чеш. *česnek*)... чеснок (серб. *beli lukac*), как говорят сербы.

(7.3) *Kizis vosumset dva'catom šestom || n'ičko jak to | mi pame tisic vosumset dvacatom šestom jak to vi rozumite | o mie nouš sute douš šase- o mie opt sute douš šase || je iljadu osamsto dvajset šeste | jak povi sr'bin'i k'i rozumiš srpski* (Златица, муж., 55).

[В] тысяча восемьсот двадцать шестом. Как мы сейчас говорим, [в] тысяча восемьсот двадцать шестом, вы понимаете, *тысяча девятьсот два шесть-, тысяча восемьсот два шесть* (рум.), это [в] *тысяча восемьсот двадцать шестом* (серб.), как говорят сербы, ты понимаешь по-сербски?

В (7.3) собеседник рассказывает о времени переселения чехов в Банат и приводит точную дату, 1826 год. Для него важно удостовериться, поняли ли его правильно, на что указывает вопрос исследователю (*jak to vi rozumite*). Порядок следования языков в высказывании следующий: чешский, румынский (внутри собственно румынской части высказывания происходит автокоррекция из-за оговорок), сербский. В данном случае нельзя назвать эти факты коррекцией, обусловленной проблемой речепорождения в билингвальной среде, как это было в (7.1), поскольку речь не идет о забытом и неактуализированном во время чешском слове в чешском нарративе. Информант прибегает к этой стратегии, чтобы акцентиро-

вать внимание присутствующих на важной части своего сообщения. В конце высказывания после сербского фрагмента он еще раз обращается к одному из исследователей и спрашивает, понимает ли тот сербский. Использование румынского и сербского языков в данном случае оправдано тем, что раньше часть диалога с одним исследователем происходила порумынски, а с другим – по-сербски. С той же целью, акцентирования внимания, во втором примере (7.2) происходит дублирование чешской лексемы по-сербски. Информант рассказывает рецепт блюда *toč* (рум. *toci*, серб. *toč*, чеш. *toč* – блюдо из картофеля), подробно перечисляя все ингредиенты. Однако при дублировании используется только сербский язык, а не румынский (*beli lukac* – диалектная форма, характерная для сербского языка обсуждаемой зоны [30. С. 438]¹³). Сама сербская лексема сопровождается при этом метаязыковым комментарием – указанием на то, что так говорят сербы. Дублированию могут подвергаться и румынские заимствования, в (7.3) собеседница дважды (что свидетельствует о колебаниях) повторяет глагол *skapat* (адаптированный по чешской модели глагол, образованный от рум. *a scăpa*, который широко используется в речи чехов¹⁴) [14. С. 86, 95, 103].

8. В нарративах информантов происходит переключение кода на румынский язык, однако в нашем корпусе зафиксированы случаи перехода в том числе и на сербский язык. Под переключением кода понимается «использование двух языковых вариантов в одном и том же диалоге» [51. Р. 239], «переход с одного языка на другой в рамках одного дискурсионного единства» [52. С. 69]. Так, в примере 8.1 информант передает слова, произнесенные в реальной ситуации общения с румынами по-румынски; появление цитаты на румынском обусловлено самой темой нарратива: собеседница рассказывает о народных традициях и поверьях румын¹⁵ (о гадании на погоду на каждый месяц по двенадцати луковицам). Фраза приводится только на румынском, за ней не следует перевод или пояснение значения на чешском. Это может объясняться тем, что изначально беседа с одним исследователем велась на чешском, а с другим – на румынском. Кроме того, такая практика (без перевода и пояснения) характерна для общения внутри чешской общины Румынии.

(8.1) *Ne von takle se sejde | v- voni jezd'ej | tadi maji pole mezi námi || a už tadi jsou n'ekere vos- bidlej teda | koupili si baráki n'ekeri || a tak von'i říkali, že are sá vine ploie¹⁶ rumunski* (Сфынта-Елена, жен., 83).

Нет, они собираются, они ездят. У них поля рядом с нашими. А некоторые уже здесь живут. Некоторые купили себе дома. И так они говорили: «Будет дождь (рум.)», – по-румынски.

В Златице фиксировались и ситуации перехода с чешского на сербский язык. Так, говоря о собственной языковой компетенции в чешском и сербском языках, собеседник переходит на сербский, вероятно, для того, чтобы продемонстрировать уровень владения сербским языком (тема интервью – языковая биография), что сопровождается невербальной реакцией – смехом.

(8.2) *A protože srpska vesnice jako lepší mi to je i odpovídám na sprski | lakše mi srpski da govorim* [смех] *a i zeta- mam ja mnogo zeta srbi- srbaka | srbini je i moj sest- moje sestra brala za srbani- e za srbaka* (Златица, муж., 55).

А так как [это] сербское село, мне как-то проще, и я отвечаю по-сербски. Мне легче по-сербски говорить (серб.). И с зятьями, у меня много зятьев сербов. Серб, моя сестра вышла за серба.

В обоих высказываниях румынские и сербские фрагменты обрамлены фразами на чешском, встроены в чешский дискурс.

9. Отдельным жанром в записанных нами нарративах, связанным как с переключением кода, так и с метаязыковым осмыслением контактирующих языков и самих языковых контактов, являются истории из жизни информантов, в которых рассказывается о недопонимании, вызванном ошибочной трактовкой лексем / фраз на неродном для информантов языке, их незнанием, что в результате приводит к анекдотичным последствиям (см. подробнее о подобных анекдотичных историях [53. Л. 30; 54]). Такие истории нечасто удается записать в полевых условиях, и, как правило, они рассказываются спонтанно, собеседник должен обладать особым чутьем к языку, чтобы уловить такие моменты, запомнить их и передать исследователям. Во многих случаях эти истории становятся семейными рассказами и передаются из поколения в поколение. Для изучения языковых контактов они чрезвычайно важны, поскольку отражают языковую ситуацию прошлого, а также дают представление о языковой компетенции, о коммуникативных трудностях, с которыми сталкивались информанты, вынужденные в повседневной жизни иметь дело с несколькими языками. Следующие истории, необычайно живые и непосредственные, записаны в селе Сфынта-Елена. Они интересны для нас помимо сказанного выше еще и тем, что в них используются одновременно не два, а три языка: чешский, румынский и сербский.

(9.1) *A srpski, u jedni srpki sem sloužila teda, vona povida na mne: «Anka, idi donesi mi bili lukac». Ja šla do špajzu: gde je bili lukac? Pak sem šla: «Pa domna, acolo nu e niciunde». A vona: «Pa este, Anca, du-te să-l cauți!» – «Domna, I-am căutat peste tot dar nu e». Von to bil česnek, po srpski bile lukac* (Сфынта-Елена, жен., 83).

А сербский – у одной сербки я, значит, служила, она мне говорит: «Анка, иди, принеси мне *bili lukac* (серб. диал. *чеснок*)». Я пошла в кладовку: где *bili lukac*? Потом прихожу: «Госпожа, там нигде нет (рум.)». А она: «Да есть же, Анка, иди его ищи! (рум.)» – «Госпожа, я его искала везде, но его нет (рум.)». А это был чеснок. На сербском *bili lukac*.

(9.2) *Pak me poveda jednou, že pri sed'ela takle f'pokoji a žika: «Anka, donesi mi marambicu!» Ale ja hledam kočku: mi-ic mi-ic. «Při domna, aicia nu e pisica niciunde». – «Anca, ai căutat pisica?» A vona se smala. Von to bil kapecnik, po srpsku* (Сфынта-Елена, жен., 83).

Потом она мне как-то говорит, сидела она вот так в комнате и говорит: «Анка, принеси мне *marambicu* (серб. / рум. *платок*)!» А я ищу кошку: *kis-kis (mic, mic)*! «Госпожа, там нигде нет кошки (рум.)». – «Ан-

ка, ты искала кошку? (рум.)» И она смеялась. А это был платок, на сербском.

(9.3) «*Anka, idi operi sudove!*» *A ja pam, pane Ježiši, vona blázen nebo si strat'ila rozum. Te ja polezu po sudu, von'i tam srbáci lezou po žebříku, do sudu, meli ti kad'e velki, von'i na vinogradu ne, toho vína ne. A ja: «Pai domna, iou nu pot să mă urc cu scara acolo». Vona pa: «Unde vreî să te urci?» Ja: «Pa mâncareŃ nu nu». A vono to bilo nádobi, sudove ne. Al ja misela sudi* (Сфынта-Елена, жен., 83).

Анка, *иди помой посуду!* (серб.). А я говорю, Господи Иисусе, она сумасшедшая или потеряла разум. Я полезу по бочке (чеш. *sud* – бочка), они, сербы, туда залезают по лестнице, в бочку, у них были такие кадки большие, для винограда. А я: «Госпожа, я не могу подняться по лестнице туда (рум.)». Она: «А куда ты хочешь подняться? (рум.)» А я: «Ешьте не не?» (досл. рум.). А это была посуда, *sudove* (серб. *посуда*). А я думала, бочки.

Истории были рассказаны, чтобы продемонстрировать исследователям, что А. С. владеет в некоторой степени сербским языком. Комический эффект возникает из-за недопонимания высказываний, произнесенных на другом языке. Эти истории сохраняются в памяти собеседницы и были рассказаны исследователям как иллюстрация коммуникативных неудач. Интересно, что сама ситуация непонимания связана с чешско-сербским взаимодействием: именно из-за ошибочной трактовки сербских фраз, чему отчасти способствует и структурная близость между этими славянскими языками, происходят анекдотичные истории. Тем не менее в самом нарративе присутствуют еще и высказывания на румынском языке. Истории построены по одному сценарию: хозяйка-сербка, у которой в молодости прислуживала информантка, обращается к ней по имени и дает поручение по-сербски (используется глагол в повелительном наклонении: (*idi*) *donesi, operi...*). При выполнении поручения А. С. сталкивается с трудностями, после чего следует диалог между хозяйкой и А. С. уже на румынском. Завершается история объяснением, из-за чего возникла коммуникативная неудача, следует перевод для исследователей сербского «проблемного» слова на чешский язык. Таким образом, сербские и румынские высказывания характерны для речи хозяйки, румынские – для А. С. Очень трудно сказать, происходило ли в действительности общение именно с таким распределением языков, как оно представлено в нарративе. Но в распределении языков наблюдается закономерность: просьба хозяйки вначале формулируется на сербском языке, а затем, когда А. С. сталкивается с трудностями, дальнейшая коммуникация происходит на румынском, компетенция в котором у А. С., вероятно, выше, чем в сербском. Можно сказать с уверенностью – в отличие от чехов в Златице сербским языком жители обследованных чешских сел активно не владеют¹⁷. От жителей чешских сел (за исключением Златицы) связанные тексты на сербском языке записаны не были, тогда как румынские тексты повсеместно порождаются беспрепятственно.

Каждое высказывание вводится как прямая речь. А сербские и румынские фразы приведены в диалект-

ной форме (ср. *beli lukac*¹⁸ в сербском; палатализация согласных перед *e*, например: [*und'e, t'e*]; диалектная форма глагола при отрицании в повелительном наклонении *nu mâncareŃi*; форма личного местоимения первого лица [*jou*] (ср. [55. Р. 90–97; 56. С. 989–990], разговорные формы типа [*aič'a*] вместо [*aič'*] – в румынском). В (9.1) комический эффект связан с тем, что А. С. искала «белый лук», тогда как речь шла о чесноке (серб. диал. *beli lukac*, чеш. *česnek*). В (9.2) сербское слово *maramica* («платок»); в произношении собеседницы – *marambica*) было непонятным для собеседницы и по сути являлось набором нерасчленимых звуков, из которых она уловила только последний слог, созвучный тому, как подзывают кошку – *mic-mic* (*maramiŃa* присутствует также в румынском языке наряду с *năframă, maramă, mahramă, năframioară*). В (9.3) просьбу хозяйки помыть посуду (*idi operi sudove*) растолковала так, что ее просят вымыть огромные бочки для хранения винограда, поскольку в чешском языке слово *sud* обозначает бочку, в отличие от сербского *sud* – посуда [57. С. 62–63].

10. Рассмотрим особенности так называемой второязычной речи информантов в обследованном регионе, т.е. речи на (функционально) втором языке, отличающемся от языка этнической группы (подробнее о второязычной речи см. [58. С. 181–197]). В данном случае нас будет интересовать речь чехов на сербском языке. В нашем корпусе помимо фактов переключения кода с чешского на сербский имеются и полноценные интервью с чехами на сербском языке. Речь идет о местном сербском диалекте, для которого характерны следующие особенности¹⁹: нет переноса ударения (*radili, kapije*)²⁰; отсутствие *h* в начале слова (*iljadu*); типичные фонетические явления в лексемах *mlogo, Srbliji*; окончания глаголов в 3 л. мн. ч. *-du* (*mećajedu*); отсутствие глагола-связки в 3 л. ед. ч. и мн. ч. (*ljudi čuváli, lakše mi da govorim*); совпадения падежей направления и места (*radili u Moldávu, živiš u tu Rumuniju*), специфическая лексика (например, *dovi*).

Из контактных особенностей нами фиксировались наиболее частотные румынские заимствования в сербской речи чехов, а также метаязыковые высказывания, возникающие при коммуникативных затруднениях. Так в (10.1) в сербской речи собеседницы-чешки для румынской лексемы *doliu* (траур) не был найден подходящий сербский эквивалент, о чем она просигнализировала в метаязыковом высказывании, за которым последовало толкование проблемного слова. Здесь можем наблюдать уникальную ситуацию, первой вспомнилась именно румынская лексема, а не чешская в речи информантки-чешки на сербском языке:

(10.1) *Pa | to je takó | znate kako | je to ko neki-i | kako se kaže-e | ko doliu ne znam kako kaže na srpski to je ko-o | metne barjak crn napolje znate kad umre || tad imáče | ima šest nedelja kako je umro* (Златица, жен., 80).

А это такое, знаете как, это как такой, как это сказать, как траур, не знаю, как это сказать на сербском, это как, вывесит флаг черный снаружи, знаете, когда умрет, тогда будет, шесть недель, как умер.

Кроме того, встречаются и широко распространенные румынизмы, которые используются без до-

полнительного метаязыкового комментария. Показательно, что лексема *ortodox* фиксировалась нами и в чешской речи чехов.

(10.2) *Pemci smo e-e | ortodóksi su srbliji a-a | ovi-i kako im se kaže | pemci su-u | katolíci* (Златица, жен., 80).

Мы чехи, православные – это сербы, а-а, эти, как их называют, чехи – это католики.

В Златице выстраивается следующая модель языковой ситуации: родным идиомом собеседников является чешский язык в его диалектной форме, принесенной из собственно чешских земель. Те, кто имел возможность изучать чешский язык в школе, а также слушать программы вещания радио Тимишоара на чешском языке, знакомилась с его литературной формой. Румынский язык является обязательным языком при обучении и при устройстве на работу. В школе происходит усвоение литературной нормы румынского языка, тогда как при общении с соседями-румынами румынская речь чехов подвержена влиянию банатского диалекта. Сербский язык усваивается чехами в Златице от соседей-сербов в его диалектной разновидности, а с литературным сербским языком можно познакомиться при просмотре телевизионных каналов и прослушивании радио из соседней Сербии, а также во время поездок в Сербию (что особенно актуально для жителей приграничных районов).

11. Влияние сербского языка за менее чем двухсотлетнюю историю контактирования проследживается в речи банатских чехов Румынии (заимствованные лексемы, переключение кода), однако масштаб этого влияния гораздо меньше, если сравнить с воздействием румынского языка. Был обнаружен и впервые описан лингвистический феномен чешской общины в Златице: именно в этом селе чехи активно владеют сербским языком, а доля сербизмов достаточно высока в их речи. В отличие от Златицы в дру-

гих гомогенных чешских населенных пунктах (например, Шумица, Эйбенталь) активное владение сербским языком не встречается, там наблюдаются лишь спорадические сербизмы. Было также установлено, что сербский язык в восприятии чешских жителей гомогенных сел является источником коммуникативных неудач (этому во многом способствует близкородственный характер славянских языков – чешского и сербского, например, в лексике: чеш. *sud* – бочка, серб. *sud* – посуда), что находит отражение в жанрах метаязыковых анекдотических рассказов. Языковую ситуацию в Златице можно описать следующим образом: сербский язык там является одним из важнейших средств повседневной коммуникации (ср. высказывание: *tak vic srpski mluvíme* – так мы больше по-сербски разговариваем). В чешской речи активно используются румынизмы, банатизмы (*makar, bar. barem, baš*), а также сербизмы (например, *kapija*). Стратегия дублирования у чешскоязычных жителей Златицы включает в себя также и сербский язык, переключение кода осуществляется одновременно на румынский и сербский языки. Чехи активно владеют местным сербским диалектом (ср. диалектные формы *mlogo, mečajedu*).

Дальнейшие перспективы исследования заключаются в расширении изучения чешского миноритарного сообщества Златицы с особым акцентом на сербском языковом влиянии, количественной обработке выявляемых сербских элементов и сопоставлении результатов с данными по другим чешским сообществам Баната, где отсутствует прямой контакт с сербским населением, а также с румынскими контактными элементами. В будущем предстоит также выяснить причины распространения сербизмов в тех чешских селах, где сегодня отсутствуют прямые контакты с сербами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Много чехов, в особенности молодое поколение, переселились в Чехию, а также в другие страны Европейского Союза.

² Здесь можно упомянуть фестиваль *Dulcele bunicilor/Dobroty babiček*, который проходил 28.09.2019 в Бэйле-Херкулане и где были представлены блюда чешской кухни.

³ В ходе экспедиции было записано также два интервью с румынами-католиками. Речь идет о румынках, вышедших замуж за чехов, перешедших в католицизм из православия и выучивших чешский язык. Традиционных общин румын-римо-католиков или греко-католиков в изучаемом регионе не было обнаружено (ближайшими католическими соседями являются венгры, немцы и карашевцы).

⁴ Если румынское название села по сути является передачей сербского топонима, то венгерское название, образованное в XIX в. во время политики мадьяризации, представляет собой семантическую кальку (венг. *agapu* – золото), а также содержит упоминание реки Нера).

⁵ На другой стороне границы неподалеку от Неры находится самое крупное в Сербии село с чешским населением – Крушчица.

⁶ Данные по Златице – 2002 г. [29. 97 о.].

⁷ Обзор работ по региону Полядия, к которому относится и Златица, дан в статье [33].

⁸ В примерах используется упрощенная транскрипция на основе стандартной чешской орфографии. Отмечаются ударные слоги: *tak pu'vida*. Мягкость обозначается апострофом: *mad'ar*. Задненебный согласный, обозначаемый в стандартной орфографии *ch*, в транскрипции обозначен как *x*. Для транскрипции цитат на других языках применяется запись, приближенная к стандартной орфографии этих языков. После каждого примера в скобках указаны место записи, пол информанта, возраст.

⁹ Информанты очень положительно реагируют, когда узнают, что исследователи владеют также румынским языком: Инф.: *A vi ne znate rumunjski ništa?* Иссл.: *Eu vorbesc românește*. Инф.: *Da-a, atunci e bine!* (– А вы по-румынски ничего не знаете? – Я говорю по-румынски. – Да-а, тогда хорошо!) (Златица, жен., 80).

¹⁰ Ср. употребление заимствований от приводимых румынских лексем в украинских говорах Сучавщины: *A je i baгато [пташок] шо ni ду́же" фолосит* [21. С. 425], (Марицея); *Ўз'или салваре до Ватра Дорнеї* [21. С. 377], (Молдова Сулица).

¹¹ Ср. также этноним *србојка* (сербка) в говоре сербов Свиницы с тем же самым суффиксом [42. С. 219].

¹² Ср. в русском языке старообрядцев-липован: *а как возьмешь с ведра, уже початая вода – ну мердже, не пойдётъ* [50. С. 97]; в украинском языке сел Добружди: *кладем петрушки, кладем кропу, кладем лео'ит'ану (л'убисток як сказат')* [21. С. 575]. Д.В. Конёр, описывая язык карашевцев, говорит о том, что многие элементы высказываний оказываются переводом сказанного ранее на первый или второй язык говорящего или уточнением, дополняющим мысль говорящего [23. С. 63].

¹³ Также как и в (1), где *iljada* (серб. лит. *hiljada*) употреблено без начального *h*, что отражает произношение этого слова в местном сербском диалекте, связанное с утратой этого звука [42. С. 148].

¹⁴ Отмечен этот глагол и в других славянско-румынских контактных ситуациях, в частности в украинских говорах Баната в селе Зорице [21. С. 312], а также в польских говорах на Буковине [22. С. 158].

- ¹⁵ Данные нарративы обладают ценностью не только для социолингвистики и контактологии, но и для этнографии, этнолингвистики и теории идентичности, поскольку в них подробно идет речь о румынских народных традициях, которые сравниваются с похожими традициями у чехов.
- ¹⁶ В этой румынской фразе, являющейся переключением кода и передающей речь соседствующих с чехами банатских румын, используется будущее время со вспомогательным глаголом *a avea*. Интересно отметить, что эта конструкция изоморфна конструкции для выражения будущего времени, распространенной в сербских говорах на территории Румынии [42. С. 93].
- ¹⁷ С сербским языком А. С. познакомилась в одном из близлежащих придунайских сел, которые сравнительно недалеко расположены от чешского села, где она прислуживала у сербской семьи (по всей видимости, речь идет о городе Молдова-Ноуэ). Именно с этим фактом, а также с тем обстоятельством, что овладеть сербским языком пришлось уже во взрослом возрасте (в отличие от Златицы, где чехи усваивают сербский язык с детства), и связаны коммуникативные трудности.
- ¹⁸ Форма *bili* в *bili lukac* связана, по всей видимости, с отождествлением сербского прилагательного *beli* с чешским *bili* (сербские говоры на этой территории экавские). См. также это слово в разделе про дублирование.
- ¹⁹ Перечислены только наиболее характерные диалектные признаки.
- ²⁰ Здесь и далее в сербских словах отмечается только место ударения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Populația după etnie – macroregiuni, regiuni de dezvoltare, județe și categorii de localități. Rezultate definitive_RPL_2011. Volumul II: populația stabilă (rezidentă) – structura etnică și confesională // Recensământul 2011. Institutul Național de Statistică. URL: http://www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2015/05/vol2_t2.xls (дата обращения: 31.07.2020).
2. Populația după limba maternă – macroregiuni, regiuni de dezvoltare, județe și categorii de localități. Rezultate definitive_RPL_2011. Volumul II: populația stabilă (rezidentă) – structura etnică și confesională // Recensământul 2011. Institutul Național de Statistică. URL: http://www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2015/05/vol2_t6.xls (дата обращения: 31.07.2020).
3. Costachie S., Bogan E., Soare I., Barakova A. Czech minority in Banat – Romania. A social geography survey // Geographia Pannonica. 2011. Vol. 15 (1). P. 7–15.
4. Gecse D. Historie českých komunit v Rumunsku. Praha : Herrman & synové, 2013. 464 s.
5. Alexandru-Dobrițoiu T. Istoricul așezării cehilor în Banatul de Sud (Republica Socialistă România) // Romanoslavica. 1965. № XII. P. 139–144.
6. Rozkoš P. Contribuție la istoria colonizării „pemilor” în Banat // Analele Banatului. Serie nouă, Istorie. 1996. № IV (2). P. 48–56.
7. Svoboda J. Česká menšina v Rumunsku. Edice Češi na Balkáně. Praha, 1999. 35 s.
8. Svoboda J. Češi nad Dunajskými soutěskami. Praha, 2002. 56 s.
9. Ciplea Gh. Cantitatea vocalică în graiurile cehe din Banat // Romanoslavica. 1963. № VII. P. 211–217.
10. Utěšený S. O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu // Český lid. 1962. № 49 (5). S. 201–209.
11. Utěšený S. Z druhé výpravy za češtinou v rumunském Banátě // Český lid. 1964. № 51 (1). S. 27–32.
12. Daneš I. Příspěvek k otázce adaptace a asimilace Čechů v rumunském Banátu (na základě výzkumu z let 1979–1980) // Český lid. 1982. № 69 (1). S. 51–58.
13. Vyskočilová K. Czech language minority in the South-eastern Romanian Banat // International Journal of the Sociology of Language. 2016. № 238. P. 145–167.
14. Frnochová A. Jazyk české menšiny v obci Šumice v rumunském Banátě. Diplomová práce (Mgr.). Filozofická fakulta UK. Ústav českého jazyka a teorie komunikace. Praha, 2012. 117 s.
15. Skalníková O., Scheufler V. Základy hmotné a duchovní kultury českých kovozezemědělských obcí v rumunském Banátu // Český lid. 1963. № 50 (6). S. 332–342.
16. Jech J., Secká M., Scheufler V., Skalníková O. České vesnice v rumunském Banátě. Praha : Ústav pro etnografii a folkloristiku ČSAV, 1992. 202 s.
17. Kresová H. Rodinné obřady české menšiny v rumunském Banátu. Nadlak : Ivan Krasko, 2012.
18. Cehii din Banat / eds. by J.A. Zsold, P. Lehel. Cluj-Napoca : Editura Institutului pentru Studierea Problemelor Minorităților Naționale, 2018. 328 p.
19. Vrabie E. Privire asupra localităților cu graiuri slave din Republica Populară Română // Romanoslavica. 1963. № VII. P. 75–85.
20. Павлюк М., Робчук І. Українські говори Румунії. Едмонтон ; Львів ; Нью-Йорк ; Торонто, 2003. 784 с.
21. Krasowska H. Górale polscy na Bukowinie Karpackiej : studium socjolingwistyczne i leksykalne. Warszawa : Slawistyczny ośrodek wzdańniczy. Instytut Slawistki Polskiej Akademii Nauk, 2006. 341 s.
22. Радан М. Фонетика и фонология карашевских говора данас. Нови Сад, 2015. 431 с.
23. Конџер Д.В. Лексика свадбеног обрядности в славянском и румынском идиомах карашевцев в исторической области Банат : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 28 с.
24. Бошняковић Ж., Радан М. Досадашња истраживања утицаја румунског језика на лексику српских говора у румунском делу Баната // Јужнословенски филолог. 2010. № 66. С. 135–161.
25. Slováci din România / eds. by J.A. Zsold, P. Lehel. Cluj-Napoca : Editura Institutului pentru Studierea Problemelor Minorităților Naționale, 2018. 448 p.
26. Младенов М. Българските говори в Румъния. София : Изд-во на Българската академия на науките, 1993. 455 с.
27. Борисов С.А. Чешский язык и традиционная культура в полиэтничном окружении (результаты полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 3–4 [в печати].
28. Bělič J. Nástin české dialektologie. 1. vyd. Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1972. 463 s.
29. Varga E.Á. Krassó-Szörény megye településeinek etnikai (anyanyelvi/nemzetiségi) adatai 1880–2002. 113 o. URL: <http://www.kia.hu/konyvtar/erdely/erd2002/csetn02.pdf> (дата обращения: 31.07.2020).
30. Томић М. Говор Радимаца // Српски дијалектолошки зборник XXXIII. Расправе и грађа / гл. ур. Павле Ивић. Београд, 1987. С. 307–474.
31. Okuka M. Srpski dijalekti. Zagreb: Prosvjeta, 2008. 320 s.
32. Ивић П. Српски дијалекти и њихова класификација. Сремски-Карловци; Нови Сад : Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2009. 221 с.
33. Сикимић Б. Пољадија: живот у пограничју // Исходишта. 2020. № 6. С. 381–397.
34. Богдановић Б. Обичаји животног циклуса код Срба у Румунији: свадба у селима Пољадије // Исходишта. 2020. № 6. С. 27–38.
35. Ђорђевић Белић С. (Ре)семантизација Богојављења на Нери у контексту перцепције пограничја // Исходишта. 2020. № 6. С. 61–91.
36. Ивановић Баришић М. Божић код Срба у Соколовцу у Румунији // Исходишта. 2020. № 6. С. 93–108.
37. Лончар Раичевић А. Прозодијске особености српских говора у Румунији (Пољадија) // Исходишта. 2020. № 6. С. 173–182.
38. Судимац Н. О неким фонетским особеностима српских говора у Румунији (Пољадија) // Исходишта. 2020. № 6. С. 265–276.
39. Dobrițoiu-Alexandru T. Banatismu v nářečích českých osad Svatá Helena, Gemik, Rovensko, Biger, Šumice a Clopodie // Slavia. 1967. № 36. S. 374–382.
40. Адам Д. Сећања на детињство у селу Златици. Београд : Етнографски институт САНУ, 1992. 105 с.

41. Голант Н.Г. Славянские этнические группы в румынском Банате (современная этнокультурная ситуация) // Славянские языки и культуры в современном мире : междунар. науч. симпозиум. Секция «Славянские языки и литературы в межнациональной коммуникации». М. : Моск. гос. ун-т, 2009. С. 30–31.
42. Томић М. Говор Свиничана // Српски дијалектолошки зборник XXX. Расправе и грађа / гл. ур. Павле Ивић. Београд, 1984. С. 7–265.
43. Rajković M. Višestruki identitet Čeha u Jazveniku, Etnološka tribina // Godišnjak Hrvatskog etnološkog društva. Zagreb, 2005. № 34/35. S. 237.
44. Valăh // Dicționarul explicativ al limbii române (ediția a II-a revăzută și adăugită). Academia Română, Institutul de Lingvistică. București: Univers Enciclopedic Gold, 2009. Dexonline. URL: <https://dexonline.ro/definitie/VAL%C3%81H> (дата обращения: 09.08.2020).
45. Ciplea Gh. Rumunské prvky v českých banátských nářečích v rumunském Banátě // Slavica. 1971. № 40. S. 211–219.
46. Ивић П., Бошњакović Ж., Драгин Г. Банатски говори шумадијско-војвођанског дијалекта. Прва књига: Увод и фонетизам // Српски дијалектолошки зборник. 1994. № XL. С. 1–419.
47. Валенцова М.М. Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект. М. : Индрик, 2016. 616 с.
48. Gumperz J.J. Discourse Strategies. Cambridge : Cambridge University Press, 1982.
49. Wasserscheidt Ph. Bilinguales Sprechen. Ein konstruktionsgrammatischer Ansatz : dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie (Dr. phil.). Berlin, 2015. 347 s.
50. Плотникова А.А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М. : Институт славяноведения РАН, 2016. 320 с.
51. Myers-Scotton C. Multiple voices: an introduction to bilingualism. Blackwell Publishing, 2006. 472 p.
52. Русаков А.Ю. Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 105 с.
53. Kļavinska A. Latgaliešu anekdotes: lingvistisko kontaktu izpausmes // Via Latgalica Humanitāro zinātņu žurnāls. 2012. № 4. L. 25–32.
54. Пилипенко Г.П. Латгальский язык и русско-латгальский билингвизм в восприятии русскоязычных жителей Латгалии // Przegląd rusycystyczny. 2018. № 2 (162). С. 42–62.
55. Coteanu I. Elemente de dialectologie a limbii române. București : Editura Științifică, 1961. 317 p.
56. Конёр Д.В., Соболев А.Н. Особенности неравновесного билингвизма у румыноязычных карашевцев в селе Ябалча // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2017. № 21. С. 987–1001.
57. Речник српскохрватскога књижевног језика. Књ. 6: С–Ш. Нови Сад : Матица Српска, 1976. 1042 с.
58. Пилипенко Г.П. Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: взгляд «изнутри» и «извне». М. : Нестор-история, 2017. 336 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 августа 2020 г.

Czech-Serbian-Romanian Language Contacts in Romanian Banat Based on a Field Research

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 15–26.

DOI: 10.17223/15617793/459/2

Sergej A. Borisov, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: borisovsergius@gmail.com

Gleb P. Pilipenko, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Keywords: Czech language; Romanian language; Serbian language; multilingualism; Romania; Banat; code-switching; borrowing; field research; narrative.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-78-10030.

The article deals with the influence of the Serbian language on the language of a Czech minority community in Romania (in Banat) against the background of the Czech-Romanian bilingualism. The aim of the study is to identify the degree and impact of this influence. The data for the study were collected during the field research in Sfânta Elena, Moldova Nouă, Băile Herculane, Șumita, Eibenthal, Zlatița. The phonetic and morphological features of the Serbian and Romanian languages spoken by Czechs, as well as the perception of the Serbian language, are discussed. It has been revealed that the number of Serbian contact items identified by means of the comparative method is much smaller compared to Romanians ones, except for the Czech community in Zlatița where Czechs use the local dialect variety of Serbian. Active knowledge of three languages is typical of the residents of Zlatița, located on the border with Serbia and having three language communities. Zlatița has a peculiar language situation (still not described anywhere), since the Czech community is a language island among Serbian and Romanian settlements in contrast to other homogeneous Czech settlements. For the first time, utterances containing code-switching in three languages were identified and analyzed. The active type of the studied multilingualism is characteristic of the Czech community of Zlatița, while residents of homogeneous Czech settlements master the Serbian language only passively. The analysis of the utterances revealed that Czechs speak the Romanian standard language that is learned at school and used in official communication, the Banat dialect of Romanian that is learned from Romanian-speaking neighbors and is used in informal communication, and the local varieties of Serbian that are used in communication with Serbs, as well as during trips to Serbia. The authors' conclusion is that this speech contains dialect features. The article also discusses Serbian borrowings in the speech of Czechs who live in homogeneous Czech villages. Such borrowings occur in code-switching (while quoting in narratives of a particular genre (metalinguage stories, jokes)), as well as in particular words. The authors reveal that Czechs living in homogeneous villages perceive the Serbian language as a source of communicative failures. The reasons for the use of Serbian lexemes in the dialects of Czech villages that are located far from the main settlements of Serbs, remain to be studied.

REFERENCES

1. Institutul Național de Statistică. (2011a) *Populația după etnie – macroregiuni, regiuni de dezvoltare, județe și categorii de localități. Rezultate definitive RPL 2011*. Volumul II. [Online] Available from: http://www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2015/05/vol2_t2.xls (Accessed: 31.07.2020).
2. Institutul Național de Statistică. (2011b) *Populația după limba maternă – macroregiuni, regiuni de dezvoltare, județe și categorii de localități. Rezultate definitive RPL 2011*. Volumul II. [Online] Available from: http://www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2015/05/vol2_t6.xls (Accessed: 31.07.2020).
3. Costachie, S., Bogan, E., Soare, I. & Barakova, A. (2011) Czech minority in Banat – Romania. A social geography survey. *Geographia Pannonica*. 15 (1). pp. 7–15.
4. Gecse, D. (2013) *Historie českých komunit v Rumunsku*. Praha: Herrman & synové.
5. Alexandru-Dobrițoiu, T. (1965) Istoricul așezării cehilor în Banatul de Sud (Republica Socialistă România). *Romanoslavica*. XII. pp. 139–144.

6. Rozkoš, P. (1996) Contribuție la istoria colonizării „pemilor” în Banat. *Analele Banatului. Serie nouă, Istorie*. IV (2). pp. 48–56.
7. Svoboda, J. (1999) *Česká menšina v Rumunsku*. Praha: Sdružení Banát. Edice Češi na Balkáně.
8. Svoboda, J. (2002) *Češi nad Dunajskými soutěskami*. Praha: Sdružení Banát. Edice Češi na Balkáně.
9. Ciplea, Gh. (1963) Cantitatea vocalică în graiurile cehe din Banat. *Romanoslavica*. VII. pp. 211–217.
10. Utěšený, S. (1962) O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu. *Český lid*. 49 (5). pp. 201–209.
11. Utěšený, S. (1964) Z druhé výpravy za češtinou v rumunském Banátě. *Český lid*. 51 (1). pp. 27–32.
12. Daneš, I. (1982) Příspěvek k otázce adaptace a asimilace Čechů v rumunském Banátu (na základě výzkumu z let 1979–1980). *Český lid*. 69 (1). pp. 51–58.
13. Vyskočilová, K. (2016) Czech language minority in the South-eastern Romanian Banat. *International Journal of the Sociology of Language*. 238. pp. 145–167.
14. Frnočová, A. (2012) *Jazyk české menšiny v obci Šumice v rumunském Banátě*. Diplomová práce (Mgr.). Filozofická fakulta UK. Ústav českého jazyka a teorie komunikace. Praha.
15. Skalníková, O. & Scheufler, V. (1963) Základy hmotné a duchovní kultury českých kovozemědělských obcí v rumunském Banátu. *Český lid*. 50 (6). pp. 332–342.
16. Jech, J., Secká, M., Scheufler, V. & Skalníková, O. (1992) *České vesnice v rumunském Banátě*. Praha: Ústav pro etnografii a folkloristiku ČSAV.
17. Kresová, H. (2012) *Rodinné obřady české menšiny v rumunském Banátu*. Nadlak: Ivan Krasko.
18. Zsold, J.A. & Lehel, P. (eds) (2018) *Cehii din Banat*. Cluj-Napoca: Editura Institutului pentru Studiarea Problemelor Minorităților Naționale.
19. Vrabie, E. (1963) Privire asupra localităților cu graiuri slave din Republica Populară Română. *Romanoslavica*. VII. pp. 75–85.
20. Pavlyuk, M. & Robchuk, I. (2003) *Ukrains'ki govori Rumunii* [Ukrainian dialects of Romania]. Edmonton; Lviv; New York; Toronto: I.Krypiakevych Institute of Ukrainian Studies National Academy of Sciences of Ukraine.
21. Krasowska, H. (2006) *Górale polscy na Bukowinie Karpackiej: studium socjolingwistyczne i leksykalne*. Warszawa: Slawistyczny ośrodek wydawniczy. Instytut Slawistki Polskiej Akademii Nauk.
22. Radan, M. (2015) *Fonetika i fonologija karashevskih govora danas* [Phonetics and phonology of Karashevski dialects today]. Novi Sad: Anul Edicije.
23. Koner, D.V. (2020) *Leksika svadebnoy obryadnosti v slavyanskom i rumynskom idiomakh karashevtsev v istoricheskoy oblasti Banat* [Lexicon of wedding rituals in the Slavic and Romanian idioms of the Krashovani in the historical region of Banat]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
24. Radan, M. & Bošnjaković, Ž. (2010) Dosadašnja istraživanja uticaja rumunskog jezika na leksiku srpskih govora u rumunskom delu Banata [Previous research of the Romanian language influence on the lexicon of Serbian speeches in the Romanian part of Banat]. *Južnoslovenski filolog*. 66. pp. 135–161.
25. Zsold, J.A. & Lehel, P. (eds) (2018) *Slovacii din România*. Cluj-Napoca: Editura Institutului pentru Studiarea Problemelor Minorităților Naționale.
26. Mladenov, M. (1993) *Bŭlgarskite govori v Rumŭniya* [Bulgarian dialects in Romania]. Sofia: Izd-vo na Bŭlgarskata akademiya na naukite.
27. Borisov, S.A. (2021) Cheshskiy yazyk i traditsionnaya kul'tura v polietnichnom okruzhenii (rezul'taty polevogo issledovaniya 2019 goda v Serbii, Rumynii, Bosnii i Gertsegovine) [The Czech language and traditional culture in a multiethnic environment (Results of a 2019 field study in Serbia, Romania, Bosnia and Herzegovina)]. *Slavyanskiy al'manakh – Slavic Almanac*. 3–4 [in print].
28. Bělič, J. (1972) *Nástin české dialektologie*. 1. vyd. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
29. Varga, E.Á. (2002) *Krassó-Szörény megye településeinek etnikai (anyanyelvi/nemzetiségi) adatai 1880–2002*. [Online] Available from: <http://www.kia.hu/konyvtar/erdely/erd2002/csetn02.pdf> (Accessed: 31.07.2020).
30. Tomić, M. (1987) Govor Radimaca. *Srpski dijalektološki zbornik*. XXXIII. Rasprave i građa. pp. 307–474.
31. Okuka, M. (2008) *Srpski dijalekti*. Zagreb: Prosvjeta.
32. Ivić, P. (2009) *Serbian dialects and their classification*. Sremski-Karlovci; Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića. (In Serbian).
33. Sikimić, B. (2020) Poljadija: life on the border. *Ishodišta*. 6. pp. 381–397. (In Serbian).
34. Bogdanović, B. (2020) Life cycle customs of Serbs in Romania: a wedding in the villages of Poljadija. *Ishodišta*. 6. pp. 27–38.
35. Đorđević Belić, S. (2020) (Re)semantization of the Epiphany on the Nera in the context of border perception. *Ishodišta*. 6. pp. 61–91. (In Serbian).
36. Ivanović Barishiić, M. (2020) Christmas with Serbs in Sokolovac, Romania. *Ishodišta*. 6. pp. 93–108. (In Serbian).
37. Lončar Raičević, A. (2020) Prosodic features of Serbian dialects in Romania (Poljadija). *Ishodišta*. 6. pp. 173–182. (In Serbian).
38. Sudimac, N. (2020) On some phonetic features of Serbian dialects in Romania (Poljadija). *Ishodišta*. 6. pp. 265–276. (In Serbian).
39. Dobrițoiu-Alexandru, T. (1967) Banatismy v nářečích českých osad Svatá Helena, Gernik, Rovensko, Biger, Šumice a Clopodie. *Slavia*. 36. pp. 374–382.
40. Adam, D. (1992) *Memories of childhood in the village of Zlatica*. Beograd: Etnografski institut SANU. (In Serbian).
41. Golant, N.G. (2009) [Slavic ethnic groups in the Romanian Banat (modern ethnocultural situation)]. *Slavyanskije yazyki i kul'tury v sovremennom mire* [Slavic languages and cultures in the modern world]. Proceedings of the International Symposium. Moscow: Moscow State University. pp. 30–31. (In Russian).
42. Tomić, M. (1984) Govor Svinichana. *Srpski dijalektološki zbornik*. XXX. Rasprave i građa. pp. 7–265.
43. Rajković, M. (2005) Višestruki identitet Čeha u Jazveniku, Etnološka tribina. *Godišnjak Hrvatskog etnološkog društva*. 34/35. p. 237.
44. Dexonline. (2009) Valáh. In: *Dictionarul explicativ al limbii române*. Ediția a II-a revăzută și adăugită. Academia Română, Institutul de Lingvistică. București: Univers Enciclopedic Gold. [Online] Available from: <https://dexonline.ro/definitie/VAL%C3%81H> (Accessed: 09.08.2020).
45. Ciplea, Gh. (1971) Rumunské prvky v českých banátských nářečích v rumunském Banátě. *Slavia*. 40. pp. 211–219.
46. Ivić, P., Bošnjaković, Ž. & Dragin, G. (1994) Banat variant of the Šumadija-Vojvodina dialect. First book: Introduction and phonetics. *Srpski dijalektološki zbornik*. XL. pp. 1–419. (In Serbian).
47. Valentsova, M.M. (2016) *Narodnyy kalendar' chekhov i slovakov. Etnolingvističeskij aspekt* [Folk calendar of Czechs and Slovaks. Ethnolinguistic aspect]. Moscow: Indrik.
48. Gumperz, J.J. (1982) *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.
49. Wasserscheidt, Ph. (2015) *Bilinguales Sprechen. Ein konstruktionsgrammatischer Ansatz*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie (Dr. phil.). Berlin.
50. Plotnikova, A.A. (2016) *Slavyanskije ostrovnije arealy: arkhajka i innovatsii* [Slavic Island Areas: Archaic and Innovation]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS.
51. Myers-Scotton, C. (2006) *Multiple voices: An introduction to bilingualism*. Blackwell Publishing.
52. Rusakov, A.Yu. (2004) *Interferentsiya i pereklyuchenie kodov (severnoruskiy dialekt tsyganskogo yazyka v kontaktologicheskoy perspektive)* [Interference and code switching (North Russian dialect of Romani in a contactological perspective)]. Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
53. Kļavinska, A. (2012) Latgaliešu anekdotes: lingvistisko kontaktu izpausmes. *Via Latgalica Humanitāro zinātņu žurnāls*. 4. L. 25–32.
54. Pilipenko, G.P. (2018) Latgalian language and Russian-Latgalian bilingualism in the perception of Russian-speaking residents of Latgale. *Przeгляд rusycystyczny*. 2 (162). pp. 42–62. (In Russian).
55. Coteanu, I. (1961) *Elemente de dialectologie a limbii romine*. București: Editura Științifică.

56. Koner, D.V. & Sobolev, A.N. (2017) On some aspects of nonequilibrium Romanian-Slavic bilingualism in the village of Iabalcea. *Indoevrop-eyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook*. 21. pp. 987–1001. (In Russian).
57. SANU. (1976) *Dictionary of Serbo-Croatian literary language*. Book 6. Novi Sad: Matitsa Srpska. (In Serbian).
58. Pilipenko, G.P. (2017) *Yazykovaya i etnokul'turnaya situatsiya voevodinskikh vengrov: vzglyad "iznutri" i "izvne"* [Linguistic and Ethnocultural Situation of Vojvodina Hungarians: A View "from the Inside" and "from the Outside"]. Moscow: Nestor-istoriya.

Received: 27 August 2020